

Маша Волкова умерла 11 августа. Она просто не проснулась утром. Какую боль пережили тогда ее близкие, может понять только тот, кто так же внезапно терял любимых. Скупые строки судебно-медицинской экспертизы: «Острая коронарная недостаточность». Что скрывается за этой записью? Два года душевной боли из-за несостоявшегося материнства. Два года судебных разбирательств, на которых Маше вновь и вновь приходилось всю боль потери переживать заново. Маша обратилась в суд с иском к родильному дому № 1 о взыскании морального вреда, где указала, что 15 июля 2014 года в результате операции «кесарева сечения» у нее родился мертвый ребенок.

По данному факту было возбуждено уголовное дело, которое впоследствии было прекращено в связи с отсутствием в действиях врачей состава преступления. Как говорят близкие Маши, им заявили: «Вот если бы врач уронил новорожденного на пол и тот в результате погиб, то это было бы преступление. А так как ребенок умер, не родившись, в действиях врачей нет состава преступления».

Напомним о трагических событиях лета 2014 года.

С 6 июля по 22 августа 2014 года в роддомах Камчатки было зафиксировано восемь смертей. Во втором роддоме 6 июля умер мальчик, в первом роддоме 15 июля погиб ребенок, 16 июля не смогли спасти ребенка в Усть-Большерецкой районной больнице, роженицу успели откачать, доставив рейсом санавиации в Камчатскую краевую больницу. Далее 18 августа в первом роддоме во время кесарева сечения погибает 42-летняя мать и ее малыш. По этим случаям СКР возбудил уголовные дела по признакам причинения смерти по неосторожности, вследствие халатности врачей. В первом роддоме 18 августа произошла смерть семимесячного младенца, рожденного 19-летней горожанкой. Медики эту смерть скрыли от правоохранительных органов и этому факту в СКР пообещали дать правовую оценку. Далее, 20 и 22 августа у 26-летней роженицы один за другим погибают мальчики-двойняшки. В итоге распавшиеся семьи, сломанные судьбы.

Наверное, стоит напомнить о молодых женщинах, которым не дали стать мамами.

Маша Волкова – сотрудница городского родильного дома № 1, у которой 15 июля 2014 года во время родов погиб здоровый младенец.

Заира Мадаева. Ее первая беременность закончилась гибелью младенца и удалением матки. Заира утверждает, что ребенок родился живым, она видела, как его протирали на столике, обсуждали – светленький он или темный, слышала, как мальчик хныкал, и лишь спустя некоторое время врачи стали суетиться, искать препарат для инъекции, сделали укол, засекали время и констатировали смерть. Врачи утверждают, что ребенок родился мертвым.

Таня Чиковская. История Тани тоже произошла в роддоме 2-й горбольницы в 2013 году и похожа на Заирину: первая беременность проходила хорошо, но закончилась трагично – смертью плода и удалением матки. Девушка также утверждает, что ей пришлось терпеть хамство и грубость врачей и медперсонала, что она не увидела ни капли сочувствия и поддержки.

Не стоит забывать и Юлию Сивушенко, у которой 15 лет не было детей. В 2008 году дети – девочка и двое мальчиков – родившиеся с весом более килограмма, погибли на вторые и третьи сутки жизни. Врачи, как выяснилось, были не готовы к выхаживанию недоношенных детей.

У детей развилась дыхательная недостаточность, но врачи не смогли оказать им помощь в полном объеме из-за отсутствия соответствующих препаратов и все трое новорожденных погибли, не прожив и двух дней. Родители тройняшек подали в суд на роддом, суд вынес решение: иск родителей полностью удовлетворить.

Олеся Гринчук. В Елизовском роддоме у девушки в течение нескольких суток отходили воды, она умоляла сделать ей УЗИ, КТГ, очень переживала за свою малышку, которая толкалась все слабее, но врачи были неумолимы и «сохраняли» беременность до тех пор, пока плод не умер в утробе.

«...При обследовании врач сделал заключение, что беременность протекает хорошо, никаких отклонений в развитии у плода не обнаружено. Мы растем дальше. Все так же наблюдаемся у наших врачей, прислушиваемся к их советам.

За всю беременность я ни разу не легла в стационар, так как все анализы были в порядке, и врач не считала необходимостью мое пребывание там. В тридцать недель я снова, как и положено беременной женщине, сделала последнее, третье УЗИ все там же. И снова никаких отклонений, врач-УЗИст обрадовала меня тем, что малышка будет крупненькая, и здоровенькая. Я даже записала диск и смотрела, как моя девочка внутри меня живет, зевает, сосет свои маленькие пальчики. Все было настолько прекрасно, что даже и подумать нельзя было, что через несколько дней все в моей жизни переменится и то, о чем я мечтала, обернется для меня кошмаром. Ведь все уже было готово к появлению на свет моей долгожданной малышки. Ее уже звали Полина!!!

...Роды прошли, но я не услышала столь долгожданного крика, мне даже не дали увидеть свою девочку, хотя мне и самой было жутко страшно увидеть бездыханное, тихое тельце моего ангелочка, которого я так долго носила у себя под сердцем. Слезы лились из моих глаз, я захлебывалась от своих рыданий, а врач Юсуповская И.В. сказала мне: «Что ты ноешь, ты родила урода, с кучей патологий!». Но ведь это неправда!!! Моя дочь по всем показаниям развивалась отлично, была здоровенькой, пока я не попала в роддом к нашим врачам!!! И тут понеслось: «Ребенок умер от инфекции, генетически больные родители, куча патологий», хотя все это было впоследствии опровергнуто гистологическими экспертизами.

Врач Прокофьева Л.А. даже в прокуратуре опровергала тот факт, что я обращалась к ней за помощью, она бессовестно и лживо утверждала, что такого не было. Придя ко мне в палату утром 12 мая, после моих ужасающих родов она, глядя мне в глаза, легко и просто сказала: «Чтобы тебе легче дальше жилось, прими это как выкидыш!» Выкидыш весом 1900, ростом 44 см, у которого уже было имя, который уже мог жить радовать маму, папу, бабушек, дедушек!!! Как у нее повернулся язык успокаивать меня такими словами. И вот меня положили в палату, где лежат счастливые роженицы, которым несут цветы и маленькие комочки, которые сладко причмокивают своими маленькими ротиками и просят грудь. Я лежала и думала, как жить дальше, ведь мне не испытать тех нежных чувств от прикосновения к маленькому тельцу своей малышки».

Юля Горшенина из Вилючинска. По такому же сценарию, как у Олеси, в Елизовском роддоме лишилась младенца. Ее мама со слезами на глазах рассказала, как трое суток умоляла «прокесарить» Юлю, истекающую кровью, но врачи игнорировали просьбы, и ребенок погиб.

Лена Силантьева. История Лены отличается от предыдущих тем, что ей одной из первых удалось не только довести дело (которое трижды прекращали) до суда, но и получить

решение суда, установившее вину врачей. Елена решила стать мамой в 42 года, у нее было 6 показаний к «кесареву сечению», но врач Дорошенко вывела женщину в роды. Ребенок родился с сильными признаками удушения и переносимости, синего цвета, с остановившимся сердцем и деформированной головой. Он прожил трое суток и умер.

Суд постановил, что МБУЗ « [Городской родильный дом № 1](#) » должен выплатить Елене Силантьевой компенсацию в 300 тысяч рублей, хотя женщина подавала иск на 5 млн рублей. «Не потому, что мне нужны эти деньги, – пояснила она, – а потому, что если за каждого загубленного младенца (в случае если установлено неправильное ведение родов) медучреждение вынуждено будет платить по 5 млн, врачи начнут более ответственно относиться к своим обязанностям».

В отношении руководства роддома №1 Петропавловска-Камчатского, где за два месяца погибли пять новорожденных, проводится служебная проверка, заявила тогда министр здравоохранения Камчатского края Татьяна Лемешко.

«Мы проводим служебную проверку на предмет качества оказания медицинской помощи, условий пребывания в родильном доме №1. Выводы будут сделаны соответствующие и достаточно жесткие. Считаю, что персональную ответственность за работу медучреждения несет его руководитель – главный врач». То есть сама госпожа Лемешко совершенно ни при чем? Это не ее компетенция – качественное, доступное и профессиональное здравоохранение?

Тогда, после череды детских смертей, 15 августа 2014 года в министерстве здравоохранения Камчатского края состоялась встреча представителей общественности с руководителями медицинских учреждений региона. За столом собрались члены правительства края, руководители и ведущие специалисты лечебных учреждений, депутаты, журналисты... И – женщины, пришедшие в роддома счастливыми роженицами и вышедшие оттуда самыми несчастными, несостоявшимися матерями.

Я слишком хорошо помню эту безобразную пятичасовую встречу, где не оказалось виноватых в том, что погибли восемь малышей. Министр Татьяна Лемешко сообщила, что процент детской смертности на Камчатке не выше, чем по России. Неужели она думала, что это заявление успокоит хоть кого-то из пришедших на встречу?

Собравшиеся начали задавать слишком «неудобные» вопросы.

И с первых же минут стало ясно, что ответы на эти вопросы не прозвучат.

- Почему из лечебных учреждений пропадают карты беременных, документы о ведении беременности и родов? (Медики категорически отрицали это утверждение, по их заявлениям ничего не пропадает. Но вот спустя два года после этой «исторической» встречи, в заключении алтайских медиков относительно истории родов Марии Волковой, однозначно было указано, что «представленные в истории родов кардиотокограммы имеют дефекты оформления (Обрезанный верхний край. Нет указаний на принадлежность М. Волковой) и не полностью соответствуют описанной в истории родов клинической картине»).

- Почему отдельные врачи настоятельно рекомендуют родственникам погибших младенцев предоставить захоронение государству, не показывают тело, не сразу сообщают родственникам о трагичном исходе?

- Почему, если схватки начинаются в ночь, роженицам делают инъекции снотворного? Почему игнорируют просьбы сделать УЗИ, КТГ, когда роженица чувствует, что с младенцем что-то не так?

- Почему отказываются делать «кесарево сечение», даже когда к нему есть показания?

- Как объяснить факт, что в случае смерти младенца у рожениц часто стали выявлять инфекции, которых при ведении беременности и даже при подготовке к родам не наблюдалось, хотя анализы перед родами делали всем?

- Почему нет поддержки семьям, в которых дети получили инвалидность во время родов или впоследствии из-за родовых травм? Например, ДЦП после асфиксии.

В основном, на этой встрече говорила Ольга Васильевна Ванчикова (главный акушер-гинеколог ККГУЗ МИАЦ, главный внештатный акушер-гинеколог министерства здравоохранения Камчатского края), отвечая даже по позициям, которые касались непосредственно работы минздрава. Но ответы на главные вопросы несостоявшиеся мамы так и не получили.

Ответ на вопрос «Состоят ли действия врачей по оказанию некачественной

медицинской помощи пациенткам в причинно-следственной связи с рождением мертвого ребенка?», оказывается, находится в компетенции судебно-медицинской экспертизы.

Ответ на вопрос «Кем именно из врачей допущены врачебные ошибки и в чем они

выражались?», также находится в компетенции судебно-медицинской экспертизы».

То есть, двадцать один человек, считающиеся специалистами в своей отрасли, не смогли ответить на простые вопросы: почему не были проведены все необходимые мероприятия в ходе беременности и родов и кто именно виновен в том, что эти мероприятия не были проведены? А ведь за каждой манипуляцией или отсутствием записи в медицинской документации стоит конкретный человек, у которого есть имя и фамилия. Так в чем проблема?

На вопрос: «Чья, конкретно, вина в том, что погиб ребенок», ответа, естественно, также не последовало. И уж совсем неуместно прозвучало высказывание бывшей заведующей акушерско-гинекологическим отделением первого роддома Татьяны Санаковой в адрес Марии Волковой: «И это твоя благодарность, Маша врачу Ольге Валерьевне Коваленко за то, что она для тебя сделала?!» Маша, что, должна руки целовать врачам за то, что погиб ее ребенок?

Ольга Васильевна Ванчикова, резюмируя сказанное ею ранее, подытожила, что во всех случаях виноваты сами женщины. Они инфицированы, у них масса болезней, поэтому и умирают дети. Очередной вопрос, почему инфекция не выявляется в ходе

беременности, остался невыясненным. А еще, оказывается, женщины курят. Высказывание госпожи Ванчиковой: «А как вы все знаете, курение убивает...» со злым восторгом продолжила аудитория: «...лошадь!».

Но вернемся к Маше Волковой.

Так как заключение комплексной судебно-медицинской экспертизы № 98, сделанное в рамках уголовного дела ГБУЗ Бюро СМЭ по Камчатскому краю, не дало ответа на основные вопросы постановления следователя, а именно: не сделан вывод о причинной связи между смертью ребенка М. Волковой и ненадлежащем исполнении должностных обязанностей медицинскими работниками при приеме родов у Марии Волковой, а также в заключении экспертов не дан ответ на вопрос, кем именно из врачей допущены нарушения, Марией было подано ходатайство о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы в другой регион Российской Федерации. Ходатайство следователем было удовлетворено.

Так вот, отвечая на обвинения Ольги Ванчиковой, что все женщины, потерявшие детей, виноваты в этом сами, приводим выводы экспертного заключения, сделанного КГБУЗ «Алтайское краевое бюро судебно-медицинской экспертизы» на основании постановления старшего следователя следственного отдела по городу Петропавловску-Камчатскому СУ СК РФ по Камчатскому краю Нетеса А.Г.

В состав судебно-медицинской комиссии вошли: профессор Шадымов, доктор медицинских наук, судмедэксперт высшей категории, зав. кафедрой судебной медицины и права Алтайского государственного медицинского университета (стаж работы – 30 лет); профессор Фадеева, доктор медицинских наук, зав. кафедрой акушерства и гинекологии этого же университета (стаж работы 42 года); профессор Меркулов, доктор медицинских наук, врач-анестезиолог высшей категории (стаж работы – 29 лет); кандидат медицинских наук, врач-судмедэксперт Фоминых (стаж работы – 10 лет).

« ...Изучив предоставленные на экспертизу материалы дела по факту смерти ребенка Волковой М.Е., судебно-медицинская экспертная комиссия приходит к выводам.[...]

Если коротко сформулировать выводы, изложенные на семи страницах заключения, то

получится следующее.

Исходя из данных представленных медицинских документов, в результате ультразвукового исследования беременности Маши какой-либо патологии плода выявлено не было.

На основании стандартов оказания медицинской помощи в конкретном случае с Машей Волковой была показана дородовая госпитализация в 36-37 недель беременности. А оптимальным сроком родоразрешения является период 37-38 недель. Однако Марии в эти сроки была назначена только очередная явка в женскую консультацию и дородовая госпитализация не была рекомендована. В роддом Маша поступила при сроке беременности 38-39 недель, при этом у нее был диагностирован крупный плод. В этом случае для определения соответствия окружности головки ребенка размерам таза матери необходимо было провести ультразвуковое исследование с измерением размера головки плода, что также выполнено не было.

Судебно-медицинская экспертная комиссия указывает, что сочетание у Марии отягощенного акушерского анамнеза в данном случае являлись комбинированными (сочетанными) показаниями для оперативного разрешения на момент поступления женщины в роддом. Комиссия сочла необходимым отметить, что для объективного контроля внутриутробного состояния плода (в том числе, для исключения развития острой гипоксии) был необходим непрерывный кардиомониторинг в родах, который не проводился. Комиссия также отмечает, что «представленные в истории родов кардиотокограммы имеют дефекты оформления (Обрезанный верхний край. Нет указаний на принадлежность М. Волковой) и не полностью соответствуют описанной в истории родов клинической картине». Кроме того, в дневниковые записи внесены исправления. Судебно-медицинская комиссия считает, что следовало изменить выжидательную тактику родов на оперативное родоразрешение. Также комиссия считает, что «каких-либо пороков развития, врожденных уродств, а также заболеваний, несовместимых с жизнью плода вне полости матки как в период наблюдения, так и при патологоанатомическом исследовании ребенка обнаружено не было, младенец был жизнеспособный». Комиссия указывает, что оперативное родоразрешение («кесарево сечение») было проведено поздно. При этом экспертная комиссия приходит к выводу, что «в случае своевременного и технически правильно проведенного оперативного разрешения, при условии отсутствия неблагоприятных последствий операции, осложнений со стороны матери и плода, а также учитывая жизнеспособность плода, было возможно сохранение жизни ребенка».

«Судебно-медицинская экспертная комиссия считает, что между действиями врачей ГБУЗ КК «Петропавловск-Камчатский городской родильный дом – ЛПУ охраны материнства и детства» и наступлением смерти плода Волковой М.Е. в родах имеется причинно-следственная связь». Приписка к названию роддома «ЛПУ охраны материнства и детства» – явно не соответствует действительности.

Но сегодня мы так и не видим ни виновных, ни наказанных.

И уж никак не портит статистических данных о младенческой смертности в крае очередной не увидевший свет ребенок.

2 июня этого года в роддоме 2-й городской больницы Петропавловска во время родов умер мальчик. Мама ребенка считает, что медперсонал несет ответственность за смерть младенца. Как рассказала мама погибшего мальчика Ольга Учаева, в течение всей беременности анализы и УЗИ у нее были хорошими. Женщина чувствовала себя нормально.

«Роды начались в срок и прошли быстро. Однако сразу после рождения сын не закричал. Я видела, что медперсонал проводил какие-то манипуляции с телом ребенка, потом его положили на стол», – рассказывает Ольга. – Они стояли около моего ребенка и ничего не предпринимали. По ее словам, около минуты медики общались возле стола, а затем объявили маме, что мальчик мертворожденный. Кто-то из персонала сказал Ольге, что ребенок умер еще за два-три дня до родов и объяснил, что смерть наступила из-за тромба в пуповине.

Ольга недоумевает: «Как же так? Еще ночью я чувствовала, что мой мальчик живой, я чувствовала, как он двигается. Кроме того, непосредственно перед родами меня подключили к аппарату КТГ, который показывает сердцебиение ребенка. Я четко слышала характерный звук прибора, свидетельствующий о том, что сердце сына билось», – утверждает Ольга. – И то, что медики говорят, что за движения малыша я приняла движение кишечника, это абсурд. Как двигался мой малыш, видела и моя мама.

Патологоанатом сказал, что негативным фактором при родах стало пятикратное обвитие ребенка пуповиной и инфаркт плаценты. Однако время наступления смерти

эксперт не назвал, заявив, что у него не стояла задача определить его».

Ольга допускает, что эксперт прав и обвитие пуповины могло привести к тому, что во время родов возникли проблемы. Однако она полагает, что сын родился еще живым, его можно было спасти, но медперсонал не стал делать реанимацию, поэтому младенец погиб. И почему медики утверждали, что ребенок погиб два, а то и три дня назад? Почему тогда аппарат КТГ показывал, что сердце ребенка бьется?

Почему на момент поступления дежурные врачи даже не удосужились взглянуть на ее карту? Опять одни только вопросы.

Ольга обратилась в управление Следственного комитета РФ с заявлением, чтобы правоохранители выяснили обстоятельства и причины смерти ребенка, а также определили степень виновности медперсонала больницы.

«В заключении патологоанатома, которое предназначено для больничной отчетности, говорится, что смерть плода произошла до родов от удушья из-за обвития пуповины. Однако в рамках проверки назначена еще и судебно-медицинская экспертиза», – рассказали в управлении. По словам представителя СК, на основании результатов исследования будет принято решение о возбуждении уголовного дела.

Но мы-то уже знаем, как проводится местная экспертиза.

В 2014 году в смерти младенцев обвинили их матерей: они сами – очаги инфекции.

Тем не менее, суд 7 июня этого года определил компенсировать моральный вред

Горшениной Юлии в размере 700 тысяч рублей, 29 июля – Гринчук Олесе в размере

1 миллиона рублей, 18 мая – Емельяненко Вере – в размере 5 миллионов рублей.

На последнее заседание суда, 13 августа, Маша Волкова не пошла. Она больше не могла вновь и вновь возвращаться в тот страшный день рождения своего ребенка, не могла вспоминать о том, что могла бы быть мамой, могла бы быть счастливой.

Судя по тому, как развивались события, можно предположить, что судья или адвокат роддома посоветовали ответчикам не продолжать судебные заседания, а предложить Марии Волковой мировое соглашение. По словам близких, Маше позвонили и предложили заплатить миллион за ее потерянного ребенка. Измученная Маша согласилась на это предложение. И 29 июля 2016 года городской суд определил «утвердить мировое соглашение, заключенное между Волковой Марией Евгеньевной, ГБУЗ «Камчатский краевой родильный дом» и министерством здравоохранения Камчатского края, по условиям которого роддом обязался в срок до 1 сентября 2016 года выплатить Волковой Марии Евгеньевне денежные средства в сумме 1 миллион рублей».

Похоже, что миллионные выплаты устраивают наших медиков и минздрав больше, чем наведение порядка в родильных домах. Или это неразрешимая задача для руководства медицинских учреждений и чиновников здравоохранения?

В сентябре этого года Маша планировала надеть свадебное платье и стать женой любимого человека. Она только что смогла начать работать. У Марии и Павла были планы усыновить ребенка, если уж судьба так жестоко лишила их своих детей...

Павел проснулся утром рядом с мертвой невестой. Ее сердце просто не выдержало, она ушла за своим ребенком.

Маша Волкова умерла 11 августа...

На чьей совести будет эта смерть?

Татьяна СЕМЕНОВА

Коллектив «Вестей» приносит глубокие соболезнования родным и близким Марии.